

ВЛАДИМИР КЕЛЕР * СКАЗКИ ОДНОГО ДНЯ

- [Владимир Келер](#)
 -
 - [Алиса в антимире](#)
 - [Запоздалое предисловие](#)
 - [Бес Потанька](#)
 - [Дядя Федя](#)
 - [Ученик чародея](#)
 - [Надпись при входе в школу](#)
 - [Хитрая арифметика](#)
 - [Совушка](#)
 - [Гордая Королева](#)
 - [Шпаргалка](#)
 - [Обида](#)
 - [Ирина у лемурув](#)
 - [Чудесная фуражка](#)
 - [Вова в гостях](#)
 - [Ступенёк](#)
 - [Чудесная фуражка](#)
 - [«Луночь»](#)
 - [Хвастуны](#)
 - [Живущая вечно](#)
 - [Млечный Путь](#)
 - [Хромоножка](#)
 - [Кристалл и Гриб](#)
 - [Лукман и ворон](#)
 - [Юрин-Мурин](#)
 - [Дорогой подарок](#)
 - [Кира, Мара и Чхахана-Хара](#)
 - [Привидение](#)
 - [48 слов о сказке в 13 слов](#)
 - [Волшебная нить](#)
 - [Вера, надежда, любовь](#)
 - [Необыкновенный музыкальный мальчик](#)
 - [Царь Тулпан](#)
 - [Саблезубый кот](#)
-

Владимир Келер
Сказки одного дня
Рисунки Г. А. В. Траугот

Светлой памяти мамы и папы
Анны Александровны
и Романа Максимилиановича Келер

Алиса в антимире

Было совершенно ясно: во всём виноват белый котёнок. Чёрный в течение последних десяти минут был занят: старая кошка умывала ему мордочку, и, надо сказать, он вёл себя при этом довольно хорошо: сидел и поглядывал на своего братца. Так что, сами видите: чёрный котёнок не мог участвовать в этом преступлении.

Алиса, свернувшись калачиком, полудремала в большом кресле, а белый котёнок гонял по полу клубок шерсти, который забыла бабушка.

«Надо прекратить это возмутительное безобразие», — подумала Алиса, но вслух не произнесла ни слова: так хорошо было сидеть, ощущая со всех сторон нежную тесноту кресла. И совсем не хотелось раскрывать рта. Во-первых, это потребовало бы огромного усилия, во-вторых, разрушило бы очарование уюта. И, внутренне вся кипя от гнева, Алиса тем не менее не делала ничего, чтобы пресечь отвратительную выходку белого котёнка.

«Сейчас же оставь клубок в покое!» — вне себя воскликнула Алиса.

Но так как это было произнесено *молча* и ни один звук или жест не выразил этих слов внешне, белый котёнок продолжал катать клубок шерсти, как ему этого хотелось. И только разве слепой мог бы не

заметить, что клубок постепенно разматывался и грозил вскорости превратиться в бесформенные петли путаной шерсти.

Когда же от большого клубка остался комочек величиной со сливу, котёнок так ловко поддал его лапой сбоку, что тот стремительно полетел к огромному зеркалу, украшавшему стену комнаты как раз напротив Алисы.

«Ну, это уж слишком! — воскликнула Алиса (молча). — Это способно вывести из терпения каменную статую. На этот раз тебе не отвертеться от наказания. Вот сейчас же спрыгну и задам тебе так, что ты навсегда запомнишь, что значит не слушаться старших».

Алиса напрягла все силы, рванула себя (мысленно, конечно) за косички, ещё раз натужилась и — спрыгнула...

БЫ, если бы не одно небольшое, но довольно странное обстоятельство, несколько отсрочившее выполнение этого намерения. Дело в том, что как раз в ту самую секунду, когда Алиса уже почти, можно сказать, спрыгнула, её внимание было отвлечено другим — отражённым в зеркале — белым котёнком.

Вы скажете, что тут особенного — в отражении котёнка? И будете правы. Но лишь до известной степени. Алиса тоже сначала так и думала: «Что тут особенного»? Каждый котёнок имеет своё изображение в зеркале, и не один котёнок. Алиса, например, тоже.

Что удивительного было в том, что, когда *этот* котёнок, преследуя разматывающийся клубок шерсти, бежал к зеркалу и, следовательно, удалялся от Алисы, *тот* котёнок, преследуя свой клубок, бежал навстречу этому котёнку и, понятно, приближался к Алисе. Всё это было естественно, и Алисе не пришло даже в голову обращать внимание на такие вещи.

Как вдруг произошло нечто странное. В то время, когда *этот* котёнок ещё бежал к зеркалу, *тот* вдруг остановился, затем повернулся и, наконец, побежал прочь от этого котёнка, вместо того, чтобы бежать ему навстречу.

В какой-то момент казалось, что *этот* белый котёнок преследует *того* и что они оба удаляются от Алисы.

В первую минуту, правда, девочка даже почему-то не удивилась (а потом, вспоминая события, всегда поражалась этому). Своё намерение спрыгнуть и наказать котёнка она отложила не из-за удивления

(которого, как видите, вовсе не было), а *из любопытства*, потому что первой её мыслью было: «Догонит этот котёнок того или не догонит?»

Удивилась Алиса в следующий момент, когда увидела такую картину (сама девочка, как мы сказали, не пошевелила ещё и пальцем): *та* — отражённая, зеркальная Алиса вдруг соскочила со своего места и, сверкнув глазами в сторону *этой*, схватила своего котёнка и быстро подбежала к своей стене. Затем она закрыла лицо одной рукой, другой ещё плотнее, словно защищая, прижала к себе своего котёнка, и в тот же миг произошла катастрофа: оба летящих друг другу навстречу клубка встретились на зеркальной поверхности. Вспыхнуло яркое пламя, и белый дым заполнил обе комнаты: ту, в которой находилась Алиса, и другую зеркальную.

Оцепенения Алисы как не бывало. Она быстро соскочила с кресла и тоже прижалась к стене.

Прошло несколько секунд, и дым стал рассеиваться. Алиса, которая была не столь испугана, сколько удивлена, решила подойти к зеркалу и посмотреть, что случилось с её котёнком, у которого клубок взорвался под самым носом. Но едва она сделала шаг, как из-за зеркала раздался испуганный крик:

— Стой, стой на месте! Или ты тоже хочешь *аннигилировать* и превратиться в *фотоны*?

— Хочу, *что*? — спросила Алиса, которая никогда в жизни не слыхала таких непонятных слов. — Превратиться *во что*?

— Не разговаривай, пока не примешь мер предосторожности, — продолжал голос, и сквозь плёнку рассеивающегося дыма Алиса увидела испуганное лицо своей двойницы.

Взяв пульверизатор, зеркальная девочка стала молча опрыскивать Алису какой-то жидкостью, похожей отчасти на ртуть, а ещё больше на эфир, но, впрочем, совершенно не имевший запаха.

— Теперь всё в порядке, — сказала зеркальная девочка. — Теперь ты можешь безопасно перейти через Зеркальную Поверхность и поцеловать меня.

Алиса с опаской подошла к раме зеркала и протянула руку. Рука не ощутила знакомого сопротивления стекла, и после небольшого колебания девочка перешагнула через нижнюю рамку зеркала и очутилась в комнате, удивительно похожей на ту, из которой она только что вышла.

— Где я? — спросила Алиса, с изумлением разглядывая часы, висевшие на стене, с какими-то странными значками вместо цифр и со стрелками, движущимися *налево*.

Зеркальная девочка стояла несколько правее Алисы и уже не испуг, а тень улыбки мелькала на её лице.

— Ты в Антимире, — ответила незнакомка, — и можешь сделать то, что я тебе сказала: подойти и поцеловать меня.

Алиса двинулась было к странной девочке, но вдруг убедилась, что удаляется от неё.

— Почему ты идёшь направо, — спросила зеркальная девочка, — когда я стою налево от тебя?

— Как ты можешь стоять налево, — сказала Алиса, — когда ты *по эту* руку от меня, а эта моя рука — правая?

— Какая ты смешная, — сказала девочка, — не понимаешь самых простых вещей. Ну, где это видано, чтобы правые вещи находились тоже направо! Ты верно показала свою правую руку. Но в Антимире она находится слева. Старайся идти налево, и ты тотчас окажешься около меня.

Алиса сделала усилие, которое в обычном мире отдалило бы её собеседницу, и с удивлением увидела, что действительно приблизилась к ней. В следующий момент она обняла её и поцеловала.

— Ты славная девочка, — сказала незнакомка. — Давай с тобой дружить. Хочешь, я угощу тебя вот этим?

С этими словами она протянула Алисе большое румяное яблоко, которое та смущённо взяла.

— Спасибо, — произнесла Алиса, — а нет ли у тебя чем-нибудь его разрезать?

— Изволь, — ответила зеркальная девочка, доставая нож. — А на сколько половин тебе его разрезать: на две или на три?

— Но разве яблоко можно разрезать на три половинки? — удивилась Алиса.

— Конечно, — сказала девочка, — всё зависит от того, *куда резать* — направо или налево. Должна же правая сторона чем-то отличаться от левой.

Алиса задумалась. Всё это как-то не укладывалось в её сознании. Потом, что-то сообразив, она вдруг сказала:

— Можешь не говорить, как тебя зовут. Тебя зовут Асилой — моим именем наоборот.

— Вот и не угадала! — расхохоталась зеркальная девочка. — Вовсе я не Асила, а Анти-Алиса. А это нечто совершенно другое.

— Но какая разница? — удивилась Алиса.

— Антимир, — сказала новая подружка, — это не просто ваш мир наоборот. Он, если так можно выразиться, ваш мир дважды наоборот. Ты думаешь, я отличаюсь от тебя только тем, что являюсь твоим зеркальным изображением? Нет, это ещё не всё. Далеко, далеко не всё. Кроме того, ты состоишь из обыкновенных атомов, а я из антиатомов. Поэтому-то мы с тобой так быстро подружились: у нас противоположные заряды, отсюда наше влечение друг к другу. Но это влечение могло бы привести к роковым последствиям, если бы я тебя не опрыскала специальным составом против аннигиляции — бурного превращения нас обеих в частицы света, фотоны. Ты же видела, что случилось, когда клубок из шерсти столкнулся с клубком из антишерсти...

Вдруг Анти-Алиса взглянула на часы и сразу всполошилась:

— Ах, ты меня прости, пожалуйста, уже без четверти четыре (Алисе почему-то показалось, когда она посмотрела на часы, — скорее четверть третьего). А в четыре у меня урок антимузыки, надо спешить. Тут, знаешь ли, очень следят за антихудожественным воспитанием... Подожди меня сколько сумеешь.

— Но мне пора домой, — сказала Алиса. Съев яблоко, она вдруг почувствовала, что страшно голодна. — Как бы снова пересечь Зеркальную Поверхность?

— Ты можешь вернуться домой и иным путём, — сказала Анти-Алиса, — обратным временем. Советую тебе выбрать этот путь: он проще и короче.

— Обратным временем? — удивилась Алиса. — Разве это возможно?

— Закрой глаза и скажи несколько раз подряд, на какое время ты хочешь перенестись обратно. И ты тотчас будешь там, где была в минувшее время.

Алиса расцеловала подругу, попрощалась с ней и закрыла глаза.

— Полчаса назад, — прошептала девочка. — О, полчаса назад...

Сперва она не почувствовала ничего, но неожиданно ей показалось, что она больше не стоит, а сидит.

Потом вдруг кто-то вскочил ей на колени. Алиса вздрогнула и открыла глаза. Она снова была в своей комнате и, свернувшись клубочком, сидела в большом кресле. На коленях у неё резвился, пытаясь поймать лапкой кружевной воротничок, белый котёнок.

— Ты, — воскликнула девочка, хватая котёнка и крепко сжимая его. — Так это ты! Вот теперь я тебе покажу, как разматывать бабушкины клубки!

И Алиса стала теребить и ласкать котёнка, чтобы он наконец понял, как сильно она на него сердится.

Запоздалое предисловие

Эту маленькую шуточную сказку я сочинил как-то с серьёзными намерениями. Меня попросили рассказать о последних физических идеях ребятам, очень далёким от них. Задача была явно невыполнимой, и я решил придумать какую-нибудь форму, чтобы рассказать хотя бы только о существовании новых понятий в физике, не раскрывая их сути: антимир, аннигиляция, обратимость времени и так далее.

Важно было, чтобы эти понятия не выветрились мгновенно из сознания. Надо было чем-то возбудить воображение моих слушателей, поразить его. Намекнуть на удивительные загадки современной физики.

Вот я и воспользовался сюжетом своей любимой сказки «Алиса в Зазеркалье» английского писателя Льюиса Кэрролла. Тем более что антимир, существование которого предсказывается современной физикой, как раз в некотором смысле является Зазеркальем окружающего нас обычного мира.

Я рассуждал так: «Если воображение ребят будет поражено, они уже не успокоятся: найдут статьи и книжки, из которых постепенно

узнают о том, чем живёт современная физика и чего нельзя ребятам объяснить за сорок пять минут».

Короче говоря, я написал сказку *специально для раздумий*.

Поступая так, я, разумеется, не чувствовал себя оригинальным. В конце концов все сказки дают почву для раздумий. Хотя, вероятно, сказочники, сочиняя сказку, думают о том, чтобы развлечь или чем-то взволновать читателя, но одновременно они (быть может, незаметно для себя) стараются при этом и намекнуть на что-то более серьёзное.

«Сказка ложь, да в ней намёк, — добрым молодцам урок».

Потом я подумал вот о чём. Тему «Алисы в Антимире» мне подсказала жизнь, школьная действительность. Но ведь жизнь школьника — не одна наука. Наука занимает в ней *лишь одно* из мест, причём, если судить по времени, которое уходит на неё, и не главное.

Жизнь школьника ярка и многогранна. Что только её не наполняет! Школа и домашние заботы, общественные поручения и воспитание самодисциплины, хоккей и художественная гимнастика, книги, уроки музыки, рассуждения на разные темы... Забот не перечесать! И всюду обнаруживается повоц для фантазии. *О каждом часе дня можно сочинить подобающую сказку.*

Скажем — первые минуты после подъёма. Умывание, зарядка, одевание — что тут главное? Зарядка и *душевная*, не одна физическая. Зарядка хорошим настроением, по возможности на весь день. Но как зарядиться этим?

В Америке есть поговорка: «Улыбайся утром час, и у тебя весь день будет превосходное настроение». Первая сказка дня напрашивается сама собою: о чём-нибудь весёлом.

А что следует за зарядкой? Идут торопливые сборы в школу, туго набивается портфель. Как важно не забыть при этом чего-нибудь существенного, не проявить себя как «человек рассеянный».

Может быть, вторая сказка дня: шутка о рассеянных?

Какие же сказки дня последующие: третья, четвёртая, пятая?..

Они перечислены чуть ниже в большой таблице.

Мне было легко её составить. Задумавшись, как выглядит *один обычный день* сегодняшнего школьника (или, что почти одно и то же, сегодняшней школьницы), я получил ответ, списав потихоньку у своей дочери, четвероклассницы, её «Расписание дня», вывешенное над кроватью (см. первый столбец таблицы).

Заботы дочери подсказали мне темы *сказок одного дня* — будничного дня школьника. Вот как это получилось (в последнем столбце таблицы — названия моих сказок, в средних — как я к ним приближался):

Расписание дня	Главная забота	О чём бы рассказать	Что же я придумал
6-30 — подъём			
6-35 — умывание			
6-40 — зарядка	Хорошее настроение	О чём-нибудь весёлом	Бес Потанька
6-50 — одевание			
6-55 — причёсывание			
7-00 — завтрак			
7-30 — собираение в школу	Ничего не забыть, что нужно	О «человеке рассеянном»	Дядя Федя
7-35 — иду в школу	Собратся с мыслями	Ученье всё-таки свет, а неученье — тьма	Ученик чародея
	Хорошо соображать	Занятно о науке	Хитрая арифметика
8-15 — школа	На уроке не болтать, быть внимательной	О разинях и болтунах	Совушка
	Хорошо выполнять дежурство и другие общественные поручения	О том, чтобы не отлынивать от своих обязанностей и не зазнаваться	Гордая Королева
13-20 — иду	Разгрузить мозги	Посплетничать о	Обида

домой		старших мальчиках	
14-00 — переодевание	Посмеяться за столом	Простую сказку Домашние анекдоты о друзьях и подружках	Ирина у лемуров Чудесная фуражка
14-15 — обед		Например, о	
14-45 — отдых	Пофилософствовать о чём-нибудь глубоком, вечном	верности, о любви Или о мечтах и порывах	Живущая Вечно Млечный Путь
15-00 — домашнее задание	Выполнить как надо	Тут не до сказок	
17-00 — прогулка и игры	Просто побегать, попрыгать, поиграть с подружками	О чём-нибудь занятом и не длинно	Хромоножка (считалка) Кристалл и Гриб Лукман и ворон Юрин-Мурин (дразнилка)
19-00 — ужин	Поужинать со взрослыми	Что-нибудь интересное быль, сказку (хорошо бы — страшную)	Дорогой подарок Кира, Мара и Чхахана-Хара Привидение
19-30 — помогаю маме	Помочь по дому	О маме. Что такое мама?	Волшебная нить
20-00 — чтение	Хорошая книга. Или поиграть с папой	Может быть, воспоминание?	Вера, Надежда, Любовь
20-30 — музыка	Поллюбить свои упражнения	О силе и красоте искусства	Необыкновенный Музыкальный Мальчик

21-00 — побаловаться перед сном	Последний раз пошалить, посмеяться	О чём-нибудь весёлом на ночь	Царь Тулпан
21-30 — готовлюсь спать	Думать о чём- нибудь приятном	Может быть, «колыбельную», которая пристала бы школьнице?	Саблезубый кот

Откуда я брал сюжеты сказок?

Чаще всего, из смутных, обрывочных воспоминаний детства. Где-то таились на дне сознания (или сердца) вот я их и извлекал. Некоторые, например, «Дядю Федю», сочинил по рассказам и анекдотам уже своей взрослой жизни. Некоторые просто сочинил.

Короли, лемуры, демоны, современные школьницы, Странники сказочных стран... — не слишком ли пестра, разношерстна компания героев моих сказок?

Но ведь и жизнь наша вся такая: разношёрстная. Пёстрая и многоликая. Даже если взять один, самый будничней, день любого. Мы постоянно сталкиваемся (в жизни или по рассказам) со всем, что есть на свете: от школы до королей, от географии до страшного рассказа, чтобы напугать.

Не герои моих сказок различны между собою: *различны их костюмы*. А все герои — актёры *одного* театра — *театра нашей жизни*.

Многообразие — его стиль. Поэтому и действующие лица так многообразны.

Бес Потанька

(Сказка утренней зарядки)

Варил повар суп. Подсыпал соли, перцу, бросил пару луковиц. А снизу, с самого дна, поднялся горячий пузырьёк, скользнул мимо луковиц, подхватил перчинку и солинку и выскочил из кастрюли. Прыгнул повару на лоб, укусил его.

Повар рассердился, хлопнул себя по лбу: думал, что комар. Крикнул с возмущением:

— Ах ты, комаришка, мелкий пакостник! Я тебе покажу, негодный, как кусаться!

А пузырьёк горячий с перчинкой и солинкой, с капелюшкой лукового супа, заплеснулся в серебристом смехе, даже почернел. И вырос у него хвостик маленький, мохнатенький, рожки-крохотули выросли. Он пищит, хихикает:

— Да, я мелкий пакостник, я бес Потанька! Будь здоров, повар, не забывай Потаньку!

И вылетел в окошко.

Летит, свистит, верещит, трещит, сверчит, а возле комары глаза пялят, удивляются:

— Откуда ты такой комар с рожками и хвостиком объявился?

Потанька им в ответ:

— Я не комар, я мелкий пакостник. Я бес Потанька, король осечек, слов невпопад, всех маленьких потерь и мелких неприятностей.

Подул вдруг ветер, подхватил комаров. Их несёт неведомо куда, они летят, бранятся:

— Вот ведь какой бес Потанька! Вот ведь в самом деле мелкий пакостник!

С тех пор Потанька и носится по свету.

Вышла девочка из дома, а её ударило по затылку. Это дворник прислонил метлу к закрытой половинке двери, а сам куда-то отлучился. Девочка хлопнула дверью, закрытая половинка дрогнула, и метла упала сзади на девочку.

— Какая я несчастная! — застонала пострадавшая, потирая ушибленное место.

А бес Потанька смеётся:

— Это я тебе подстроил. Я — мелкий пакостник.

Летит Потанька дальше, студента нагоняет.

— Двадцать лет живу на свете, — удивляется студент, — а такое впервые вижу. Зоологию учу, биологию учу, а о комарах с мохнатым хвостиком и рожками никогда не слышал.

Смеётся бесёнок:

— Я не комар, я бес Потанька. Я — верный спутник всех сердитых и рассеянных, всех неосмотрительных и ленивых. Значит, и твой немножко...

Раскрыл студент портфель, глядит — нужную тетрадь на лекцию забыл. А мелкий бес смехом заливается:

— Да, да, студент, это моя проделка. Прощай, не забывай Потаньку!

Так всем и подстраивает, кого встречает.

Мальчик деньги на мороженое потерял.

Артист на репетицию опоздал.

У аккуратной Гали Васильевой чулок в автобусе порвался, Потанька и туда на остановке залетел.

Вспылила было Галя, а после рассмеялась:

— Да это бес Потанька, разве от него укроешься! Посмеяться — и весь расчёт. Только смеха он пугается, только от неунывающих отскакивает.

Дядя Федя (Сказка сборов в школу)

Жил-был дядя Федя, добрый, умный, рассеянный. Встал он рано утром, смотрит на термометр — тот показывает 12 градусов.

— Как! Уже двенадцать! — воскликнул дядя Федя. — А мне в десять на работу.

Оделся дядя Федя и, не завтракая, выбежал на улицу. Сошёл случайно одной ногой с тротуара и позабыл об этом. Идёт дальше — одна нога на тротуаре, другая на мостовой.

«Когда это я охромел? — вдруг испугался дядя Федя. — Надо не забыть сходить сегодня к доктору».

Нагоняет дядю Федю автомобиль, в нём друг дяди Феди профессор Иван Григорьевич.

— Садитесь, подвезу, — говорит Иван Григорьевич.

— Спасибо, — отвечает дядя Федя, — это очень кстати.

Снял он галоши посередине улицы, пошаркал по асфальту, сел в машину и поехал. Галоши так посередине улицы и остались.

Приехали в институт. Дядя Федя выходит в одну дверцу автомобиля, Иван Григорьевич — в другую. Обогнул дядя Федя машину, увидел друга и закричал:

— Иван Григорьевич, вот встреча-то! Сколько лет, сколько зим! Как поживаете?

Входит дядя Федя в лабораторию. Смотрит на часы, а на них всего лишь восемь. Рассердился дядя Федя, звонит уборщице по телефону, пробирает её:

— Почему *эти* часы отстают так сильно?

И телефонной трубкой показывает на часы. Уборщица ничего не слышит, переспрашивает:

— Алё, алё, кто говорит? Что вы от меня хотите?

— Я спрашиваю, почему *эти* часы отстают так сильно?

И снова показывает трубкой на часы.

Уборщица и на этот раз не слышит, снова переспрашивает:

— Алё, алё, кто говорит? Что вам надо?

Так и разговаривали долго: дядя Федя с уборщицей, но отставив трубку, та с телефонной трубкой, которая молчала.

Рассердился дядя Федя, бросил весь телефонный аппарат на пол, телефон разбился.

Выглянул дядя Федя в окно — нет ли там кого? Положил обломки на свой стул, а сам выпрыгнул в окошко.

Летит и говорит себе:

— До чего я иногда действительно немножко забываюсь. Ведь это не меня, это мусор надо было выбросить.

К счастью, окно было невысоко, а земля не очень твёрдая. Отделался дядя Федя не очень сильными ушибами.

Дети, если не хотите сломать себе ногу, не будьте рассеянными.

Ученик чародея (Сказка дороги в школу)

Жил некогда учёный человек — Агриппа Нетессгеймский. Сегодня мало кто о нём помнит, а несколько веков назад Агриппа был очень знаменитым. Он занимался алхимией и чародейством, к тому же много сочинял: писал моральные и философские произведения.

Ходили об Агриппе всякие истории. Одной впоследствии было суждено дать пищу многим сказочникам и музыкантам.

Сочинённая при жизни алхимика-чародея, а сейчас почти забытая, история эта выглядела так.

Будто когда Агриппа находился в бельгийском городе Лувене, один из его любознательных учеников проник в запретный кабинет учителя. Ученик хотел проверить свои знания, вызвать духа и побеседовать с ним, как это делал Агриппа.

Пользуясь книгой магических заклинаний, юноша вызвал духа, и тот ему явился.

— Что тебе надо? — заревел страшный дух. — Говори скорее, у меня руки чешутся!

— Я... мне... — пролепетал оробевший ученик. А сказать-то ему было нечего. Он испугался вида чудовища, а заклинания, чтобы того прогнать, не знал.

Взбешённый дух бросился на юношу и удушил его.

Как раз в этот момент пришёл Агриппа.

— Что ты натворил! — закричал он на страшилище. — Меня казнят: обвинят в убийстве.

Дух тупо смотрел на своего повелителя и ничего не отвечал.

Алхимик нервно ходил по кабинету, не зная, что придумать: возвращать утраченные жизни было не в его власти.

Наконец он всё же сообразил.

— Немедленно входи в его тело, — показал он на ученика, — и ступай на улицу.

Дух покорно так и сделал, и вскоре юноша, будто бы воскресший, вышел из кабинета.

Но он, конечно, не воскрес. С телом ученика чародея дух потолкался на людном месте, затем покинул тело.

На глазах у всех оно упало бездыханным.

Никто ничего не мог предъявить Агриппе: многочисленные свидетели подтвердили, что ученик умер скоропостижно.

Как изменили позднее сказку? И почему?

Симпатии людей были на стороне Агриппы, а недоросля-ученика все осуждали. Но время шло и постепенно в их сердца закрадывалась жалость.

— Нет, это всё же слишком жестоко, так покарать за любопытство, — говорили люди.

Постепенно сказку переделали. Её стали рассказывать иначе.

— Что тебе надо? — загрохотал страшный дух, представ перед оробевшим юношей. — Говори скорее, у меня нет времени.

— Мне бы... водички принести, — еле выдавил из себя несчастный. Ничего другого он в растерянности не придумал.

— Воды? Мигом! — прогремел дух.

Схватив где-то вёдра, он ринулся на речку и вскоре опрокинул первую порцию воды в бочку чародея. За первой парой вёдер последовали вторая, третья...

Бочка наполнилась до краёв, а дух всё носил воду и носил.

Вот уже весь кабинет, весь дом алхимика залиты водою. А дух не останавливается. Потоки воды через окна и двери стали изливаться на улицу. Соседи бросились спасать своё имущество, уверенные, что начинается потоп. А бедный тонущий ученик не знал, как остановить бедствие.

К счастью, чародей вернулся. Духа он прогнал, ученика наказал как-то, всё понемножку привёл в порядок.

Сказка изменилась. Только её мораль осталась прежняя. Люди во все времена не уставали поучать подрастающее поколение: «Не умеешь — не берись!»

Надпись при входе в школу

Какие-то остряки при входе в школу повесили плакат:

Мало учиться, *надо уметь учиться.*

Мало уметь учиться, *надо учиться.*

Одни, прочитав, смеются, другие почему-то крепко задумываются.

Хитрая арифметика

(Сказка-шутка на математическую тему)

Умер бабай, и сыновья принялись делить его богатство. В завещании указывалось: «Старшему — половину всех ишаков, среднему — треть, младшему — одну девяту». Но ишаков всего 17. Получается неладное: одному выходит восемь с половиной, другому пять и две трети, а младшему вообще что-то странное и дразнящее: одна целая и восемь девятых ишака! Почти два, да не два всё-таки.

— Братья мои почтенные! — взмолился младший брат. — Подарите мне одну девяту ишака. Что вам стоит? Я сяду, уеду и всю жизнь буду вас поминать как настоящих братьев, благодетелей.

Но старшие — ни за что! Каждый хочет округлить по-своему, никто не соглашается поступиться даже толикой.

Что делать? Не резать же живых животных на куски, не позориться перед народом.

Совсем было схватились братья драться, но в это время проезжал случайно мимо на собственном ишаке мудрец.

— Мир вам! — сказал почтенный. — Что происходит? О чём ваш жаркий спор? Поведайте мне, о, юные и благонравные!

Один другого перебивая, братья всё же передали суть. Мудрец внимательно их выслушал. Затем сказал:

— Вы добрые туркмены, и я вам помогу. Причина недоразумения всем ясна: 17 не делится без остатка ни на два, ни на 3, ни, разумеется, на 9. Что ж, я вам дарю собственного ишака. Возьмите его и прибавьте к унаследованному. 18 делится на все те цифры. Теперь ничто не может вызвать спора.

Младший получил желанных двух ишаков. Восторженно, но с почтением он поблагодарил мудреца, сел на одного из двух и уехал.

Обрадовался и средний брат: он унаследовал пять и две третьих животных, а получил все шесть! И он забрал своих ослов, и долго поворачивался, благодаря.

Нежданно и самый старший брат вторично выиграл: рассчитывал на восемь с половиной, а получил на половину больше! Не знал, как выразить достойную признательность почтенному. Ехал и всё останавливался. Слезал с ишака, кланялся в пояс и ехал дальше.

Мудрец проводил и последнего взглядом и почему-то покачал головою.

Затем сел на своего ишака и продолжал путь, прерванный спором братьев.

Что такое? На *какого* ишака? Ведь мудрец подарил своего трём братьям!

Надеюсь, ты, читатель, сообразил — в чём дело? Почему так странно получилось?

А если пока не сообразил, попробуй решить задачу сам. Постарайся не заглядывать в шпаргалку.

Совушка

(Сказка урока)

Совушка-тихоня на дубу сидит.
Хорошо всё видит и за всем следит.
Хорошо всё слышит. Потому она
Знает очень много и весьма умна.

Гордая Королева

(Сказка о лентях)

Давно-давно некоторым государством управляла одна очень Гордая Королева. Она была так горда, что никогда ни с кем не разговаривала, кроме как с королями. Но королей она видела не часто, — их было не так уж много даже тогда, к тому же они были заняты делами управления и редко выезжали. Поэтому она молчала по целым дням или разговаривала с Солнцем, которое одно считала себе равным.

Не было такого дела, заниматься которым Гордая Королева не считала бы унижительным для себя. Она не подписывала даже государственных бумаг и указов, предоставляя это делать за себя первому министру, которого глубоко презирала.

Гордая Королева была уверена, что единственное занятие, достойное королей, — это блистать. Ей казалось, что и все другие короли только тем и занимаются, что блещут.

День Гордой Королевы начинался с того, что придворные дамы осторожно снимали с неё одеяло и почтительно поднимали с постели. Затем её умывали и одевали, умащивали благовонными маслами, сохраняющими кожу, румянили, душили тончайшими духами и

пудрили. Закончив туалет, Королеву в сопровождении блестящей свиты вели принимать изысканнейший королевский завтрак.

После завтрака подругу Солнца также чинно провожали во дворцовый сад, и там она отдыхала от сна и от завтрака.

В саду её усаживали обычно в кресло, напоминающее трон, и там она слушала музыку спрятанных за кустами (чтобы не оскорблять её взора) музыкантов или в гордом одиночестве думала о своём величии.

Никто не мог сказать, была ли та Королева умна или глупа: ничего не делая, она не могла, естественно, показать, каковы её умственные способности.

Никто не знал, добра она или зла, потому что Королева никогда не проявляла этих качеств. Равно презирая как тех, кто её, может быть, любил, так и тех, кто её, возможно, ненавидел, Гордая Королева никогда не снисходила до добра или зла к людям, не родившимся в королевском звании.

Люди часто примиряются с несправедливостью, но обычно не прощают пренебрежения к себе. И вот случилось так, что в одно прекрасное утро, проснувшись, Гордая Королева не обнаружила возле своего ложа ни одной придворной дамы.

Произошло это потому, что первый министр, привыкнув подписывать королевские указы, незаметно привык и к власти: он решил управлять государством под собственным именем. Придворные и слуги Королевы только обрадовались перемене и тотчас перекинулись к новому правителю.

Однако Гордая Королева в то утро ничего этого не знала. Она продолжала лежать спокойно на своём ложе, ожидая, что кто-нибудь придёт и, сняв с неё одеяло, оденет подругу Солнца, как и прежде.

Но проходил час за часом, и никто не появлялся в королевской опочивальне.

Когда наступил полдень, в окно заглянуло Солнце. Увидев Королеву всё ещё в постели, хоть с открытыми глазами, Солнце страшно удивилось.

— Сестра моя, Королева, — сказало Солнце, — почему ты не встаёшь? Ведь уже полдень, а я в это время привыкло видеть тебя в саду в твоём кресле, напоминающем трон.

— Я бы с удовольствием встала, — отвечает Королева, — но не вижу около себя никого, кто снял бы с меня одеяло и одел меня. Не

мне же самой всё это делать. Ведь я королева.

— Ты права, ты права! — усмехнулось Солнце и скрылось за оконной рамой.

Прошёл день, но никто так и не зашёл к Гордой Королеве. Она не изменила положения, только слегка нахмурилась: ей не нравилось, что в привычные мысли о великолепии царских церемоний почему-то всё чаще вплеталось низменное воспоминание о великолепии стола, за которым она принимала пищу.

На другой день в полдень Солнце снова заглянуло в спальню и, увидев Королеву в прежней позе, удивилось больше вчерашнего.

— Как! — воскликнуло Солнце. — Ты до сих пор лежишь в постели? Неужели несколько не проголодалась?

— Ах, — ответила Королева, — я ужасно хочу есть и пить. Но никто не идёт сюда и не одевает меня. Не мне же самой одеваться и искать себе пищу? Я ведь королева.

— Ты права, ты права, — удивлённо сказала Солнце и продолжало свой путь по небосводу.

Так было ещё несколько дней. Но как-то раз, когда Солнце снова заглянуло в знакомую спальню, оно увидело, что Гордая Королева умерла. По выражению её лица можно было догадаться, что она очень страдала.

Страдала и всё же умерла, как жила — по-королевски. Никто не мог похвастаться, что слышал жалобу Королевы. Никто не мог сказать, что видел, как её тонкие благородные пальцы сами натягивали чулок или наливали из хрустального сосуда, стоявшего у самой постели, освежающий напиток...

Печальная та история произошла давно, даже очень давно. Представьте же теперь моё удивление, когда я недавно в одной школе встретил... Гордую Королеву!

Да, это была несомненно она, хотя до неузнаваемости изменившаяся. На вид ей было никак не больше одиннадцати лет, и она носила пионерский галстук.

Смешно, но она всерьёз стала уверять меня, что родилась в Москве, а не приехала из собственного королевства. Но меня-то не проведёшь! Я сразу догадался, кто она такая, когда увидел, как она обращается со своими одноклассниками. Те ей что-то говорят, а она

притворяется, будто не слышит. Её просят подежурить в классе, а она вздёрнет нос и сквозь зубы цедит:

— Больно мне это нужно! Я пришла сюда учиться, а не парты убирать.

Адрес школы я отлично знаю: это специальная английская школа № 20 в Москве на Вспольном переулке. А вот домашний адрес королевы забыл.

Скажите, не в вашем ли доме она живёт?

Если «да», то не рассказывала ли она вам, как воскресла и приняла облик советской школьницы?

Если рассказывала, напишите мне, пожалуйста, о всех подробностях. Меня ужасно интересует продолжение её истории.

Шпаргалка

(К задаче-шутке «Хитрая арифметика»)

Вот как решается задача.

У мудреца остался один ишак, потому что в сумме то, что получили братья, составляет 17, а не 18:

$$9 + 6 + 2 = 17.$$

Ровно столько, сколько оставил им отец.

Напутал всё бабай, их отец, в своём завещании. Напутал тем, что не сумел правильно разделить своих животных.

Если сложить всё то, что он завещал детям, получится не 17, а немногим меньше:

$$8 \frac{1}{2} + 5 \frac{2}{3} + 1 \frac{8}{9} = \frac{17}{2} + \frac{17}{3} + \frac{17}{9} = (152 + 102 + 34) / 18 = \frac{289}{18} = 16 \frac{1}{18}$$

Почти на целого ишака (точнее, на $17/18$) меньше, чем было у бабая!

Завещание как бы говорило: «Одну восемнадцатую часть наследства ($17/18$ разделённых на 17) *надо потерять*».

Не догадался бабай, не догадались его дети, а мудрец смекнул, что *есть остаток*. И что, если его не терять, а тоже поделить, то каждый брат получит больше, чем рассчитывал.

«Подарив» братьям своего осла, мудрец просто облегчил им деление остатка: теперь они получили *всех* животных, что были у бабая. Семнадцать голов, а не $16 \frac{1}{18}$!

Понятно, почему братьям не досталось и 18-го. Да просто потому, что дети строго выполнили волю родителя. Им «положено было» восемнадцатую часть наследства потерять, — они и потеряли. От 18 ишаков, которых у них стало вместе с ишаком мудреца, это составляет ровно одно животное.

Братья потеряли, а мудрец потерянное «подобрал».

Обида

Рассказ о старших мальчиках

После звонка Макс против обыкновения не сорвался сразу с места и не понёсся, всех расталкивая, в коридор. Он извлёк подкинутую записку из кармана и ещё раз внимательно её перечитал. Особо всматривался в почерк.

В записке стояло (без подписи):

Максик дурак,
Курит табак,
Спички ворует,
Дома не ночует.
Спит под забором,
Зовут его вором.

«Кто? — мучительно думал Макс. — Кто написал? Никита? Яшка? Мишка Скобелев? Но они стихов не сочиняют... Может быть, Нинка Галицкая? Она сочиняет, я знаю. Такая на всё способна».

Макс всё же вышел в коридор. У раскрытого окна стояла группа девочек-старшекласниц. Они о чём-то перешёптывались, временами

прыская от смеха. Заметив Макса, девочки как по команде повернулись к нему и дружно рассмеялись.

— Приветик! — сказала одна, застенчиво улыбаясь. — Тыр-пыр, сорок дыр, как жисть, цыплёночек?

Это была Стелка-Подделка, двоюродная сестра Макса. Она всегда приветливо обращалась к брату, правда, с помощью своих мерзких словечек, но он её избегал. Он не любил её, как не любил и тётю Наташу. Обе гадкие. Мать жадная и злая, настоящая «Наталка-Шакалка», как её все называли. А дочь фальшивая. Кажется одной — хорошей, а сама почище матери. Всем лезет в дружбу и всем старается навредить.

«Может быть, она? Зайти и положить мне это в парту ей ничего не стоит...»

Вконец расстроенный, не отвечая Стелке, Макс прошёл мимо.

Как хорошо, что следующий урок был последний! Еле его досидев. Макс наконец выскользнул на Селезневку и по ней, затем по людной Новослободской быстро зашагал домой, стараясь идти без попутчиков.

Повернув с Новослободской в Порядковый переулок, Макс неожиданно нагнал Андрея, студента-медика, соседа по квартире. Андрея он любил, хотя не так, конечно, как Женю Волкова, другого их

соседа, фотокорреспондента. Незаметно по пути домой Макс рассказал Андрею об обиде. Даже показал записку.

— И ты, старик, обиделся на эту чепуху? — воскликнул медик. — Ну и комик же ты, брат!

— А ты бы не обидился? Дураком назвали! Чего только не наплели.

— Да кто же на шутку сердится, ты пойми! К тому же не сами сочиняли, это точно, точно. Помнится, и мы что-то в школе в этом роде писали: «Мишка дурак, курит табак», и так далее, и так далее.

Андрей помолчал немного, потом вдруг усмехнулся. Словно что-то вспомнил.

— Слушай меня, старик! — сказал он. — Однажды я тоже в институте получил талантливую анонимку. Высмеивали, что я за всё берусь, а у меня ничего не получается (ух, это точно, точно!). Вот послушай-ка:

Когда посредственность тиха,
В том нет особого греха.
Но как она противна,
Когда инициативна.

— Ну и что? Нашёл, кто написал? Надавал, как следует?

— Какое там! — безнадёжно махнул рукой студент. — Даже не старался.

— А... как сделал?

— «Как», «как»! Вывел тушью крупными такими буквами на большом листе ватманской бумаги всё стихотворение и повесил в лаборатории.

Уже входя в подъезд, Андрей добавил с гордостью:

— Теперь весь институт знает на память!

Выдам тайну: эти стихи сочинил московский пионервожатый Володя Минаев.

Только на всякий случай всё же не рассказывайте Андрею.

Ирина у лемуров

(Сказка дороги из школы)

Жила-была девочка Ирина. И было у неё два друга: кот Рыжик и пёс Айдар.

Кот Рыжик ласкался к девочке и мурлыкал.

— Ах, как я люблю тебя! Ты добрее и прекраснее всех на свете!

А пёс не признавал кошачьих нежностей. Временами он налетал на девочку как шквал, махал хвостом и громко лаял:

— Скажи мне, если кто тебя обидит, и я ррразорву их всех!

Но девочка неизменно отвечала:

— Никто меня не обижает и никого рвать не надо. Тебе не мешало бы быть посдержаннее и брать пример с Рыжика. Вот кто действительно меня любит и старается это всячески доказать.

Однажды мать дала Ирине корзиночку и сказала:

— Сходи в лес, набери ягод. Только будь осторожна и не забирайся в чащу. По лесу бродят злые лемуры с добрыми улыбками и ловят маленьких детей.

Ирина обещала это помнить, но едва оказалась в лесу, как забыла наставления матери и не заметила, как зашла глубоко в чащу. Там она и заблудилась.

Села девочка под ёлку и заплакала.

Вдруг слышит, кто-то говорит над нею:

— А вот и она, которую мы ищем.

Девочка подняла голову и видит: стоят вокруг неё семеро маленьких крепышей, все с добрыми улыбками и влажными глазами и все как капли воды похожие друг на друга.

Догадалась Ирина, что попала к злым лемурам, да делать было нечего. Посадили лемуры девочку в мешок и понесли куда-то.

Принесли они её в свой дом и развязали мешок.

Один лемур подошёл к Ирине и, больно щёлкнув её по лбу, сказал:

— А погляди-ка на меня!

За первым подошёл второй лемур и тоже, больно щёлкнув её по лбу, сказал:

— А погляди-ка на меня!

Так подошли к девочке все семь лемуров и каждый больно щёлкнул её по лбу и каждый сказал:

— А погляди-ка на меня!

И бедная девочка горько, горько плакала. Потом завязали лемуры девочку обратно в мешок и улеглись спать.

Наутро, поднявшись, они поели и отправились на охоту.

А девочку оставили на весь день в мешке.

Вечером, придя с охоты, лемуры снова развязали мешок и каждый подошёл к девочке и каждый больно её щёлкнул и каждый сказал:

— А погляди-ка на меня!

И бедная девочка снова горько плакала.

Так продолжалось много дней.

Но как-то раз, — это было днём, когда её мучители были на охоте, — вдруг слышит Ирина, кто-то царапается в дверь, потом и вовсе её открывает. Какое-то существо врывается в комнату и бежит к мешку.

Мгновенно перегрызается верёвка, стягивающая мешок. Знакомая собачья морда лезет внутрь и облизывает лицо девочки, визжа и лая.

— Айдар! — закричала девочка, обнимая друга. — Ты как сюда попал?

— Я долго не мог тебя найти, — отвечал Айдар, — но всё же, как видишь, вынюхал следы тех, кто тебя похитил.

— Что же нам теперь делать? Лемуры скоро вернутся, мы не успеем убежать далеко.

— А ты посади меня в мешок, завяжи, как завязывали тебя, а сама спрячься на печку и ничего не бойся.

Девочка так и сделала. Посадила Айдара в мешок, завязала его верёвкой, забралась на печку и сидит ни жива ни мертва — дожидается.

Наступил вечер, и видит девочка — пришли лемуры с охоты и сразу идут к мешку.

Развязали они мешок. Поднял было один лемур руку, чтобы щёлкнуть Ирину по лбу, даже уже сказал:

— А погляди-ка на меня!

Вдруг из мешка выскочил Айдар и мигом разорвал лемура.

Остальные бросились бежать, да не тут-то было. Каждого нагнал Айдар и каждого разорвал на части. Ничего не осталось от их влажных глаз и страшных добрых улыбок.

— А теперь, — сказал Айдар, — пойдём-ка скорее домой. Твои родные больше не надеются тебя увидеть.

Долго ли, нет ли шли они, но в конце концов всё-таки пришли.

То-то было радости для всех! Мать то плакала, то смеялась. Отец то поднимал девочку к потолку, то отдавал её матери. А кот Рыжик

ходил кругом, задрал хвост, тёрся о ноги девочки и мурлыкал, и мурлыкал.

Лишь главный виновник торжества пёс Айдар убежал из дома и где-то громко лаял. Ужасно не любил он кошачьих нежностей и всяких объяснений в любви.

С того именно времени и стали все говорить: либо насмешливо — «кошачья привязанность», либо с уважением — «предан, как собака».

Чудесная фуражка
*(Рассказы-анекдоты за обеденным
столом)*

Вова в гостях

Привели Вову в гости. Мама наставляла:

— Веди себя хорошо. Особенно за столом.

У тётки Оли было много гостей, и Вова очень стеснялся. Но в общем всё шло хорошо, пока не позвали к чаю.

Когда все расселись за столом и тётка Оля разливала чай, Вова неловко дёрнул рукой и перевернул свой стакан. Все сделали вид, что ничего не заметили, а тётка Оля налила Вове снова.

Однако Вова был совсем смущён и перевернул и второй стакан чаю.

Снова все сделали вид, что ничего не заметили, а тётка Оля сказала ласково Вове через стол:

— Подай мне свой стакан! Я налью тебе ещё.

— Спасибо, — растерянно ответил Вова. — Я больше двух стаканов не пью.

Ступенёк

Таня очень любила ходить с мамой в лес по ягоды. Однажды девочка залезла на пенёк и закричала:

— Мама! Что это — на чём я стою?

— Это пенёк, — отвечает мама.

— Почему пенёк, а не ступенёк, если я на него ступаю?

Чудесная фуражка

Гора увидел, что его друга Юру пропускают в зоопарк без билета. Объяснялось это просто тем, что Юра состоял в кружке юных натуралистов.

Но Гора этого не знал, а когда спросил у товарища, почему того пускают без билета, Юра ответил:

— Потому что у меня чудесная фуражка.

Слова эти поразили Гору. Однажды он потихоньку надел Юрину фуражку и побежал в зоопарк один. Смело и решительно направился он к воротам.

— Постой, мальчик, а где твой билет? — спросила добродушная привратница.

— Но на мне чудесная фуражка!

— Извини, мальчик, пожалуйста, я не разглядела. Проходи скорее, проходи!

«Луночь»

Стихи Таня знала ещё до того, как научилась читать. Особенно она любила стихотворение Лермонтова: «По небу полуночи ангел летел».

Много позже, когда Таня уже ходила в школу, она обратилась к отцу:

— А что такое, папа, всё-таки «луночь»?

— Какая «луночь»? — удивился отец.

— Ну та, по которой летел ангел. Помнишь: «По небу, по „луночи“ ангел летел...»

Хвастуны

Яша и Макс хвастают друг перед другом способностями своих собак.

— Мой Терри знаешь какой умный! — говорит Яша. — Приходит домой и сам кнопку звонка у двери нажимает.

— Подумаешь! — отвечает Макс. — Моему Жаку этого не нужно. Он носит с собой ключ.

Живущая вечно *(Сказка послеобеденного отдыха)*

Это произошло в Индии и началось на священных берегах реки Ганг.

Дочь магараджи полюбила молодого погонщика слонов. Юноша любил её тоже, но он был беден и не смел мечтать о браке с дочерью своего господина. Если бы магараджа узнал об их любви, он не пощадил бы обоих. Он бросил бы их на растерзанье тиграм или придумал другую, не менее страшную казнь.

И молодые люди решили бежать.

Долго они скитались по джунглям и лесам, наконец вышли к уединённому месту на берегу большого лесного ручья и остановились, поражённые красотой природы.

— Поселимся здесь навсегда! — предложил юноша. — Тут так хорошо. К тому же есть вода, ягоды, плоды. Деревья укроют нас от непогоды, а ночью мы заберёмся на них и спрячемся от хищников. Людей, по-видимому, близко нет, и мы можем не опасаться, что нас найдут и отведут к твоему отцу на расправу.

— Хорошо, — ответила девушка. — Я согласна.

Они построили на дереве шалаш и зажили тихой, счастливой жизнью.

Прошло пять лет и никто не потревожил их в лесном уединении. У них родились две девочки, и хотя с детьми прибавилось заботы, но вместе с тем умножилась и радость.

Однажды муж не вернулся к ночи с охоты. Опасаясь хищников, жена не могла отправиться искать своего мужа сразу. Она просидела всю ночь без сна, прислушиваясь к звукам и прижимая к себе детей.

Когда же наступило утро, женщина взяла за руки дочерей и пошла с ними той тропой, которой обычно уходил на охоту её муж.

Ей не пришлось идти очень долго. Вскоре она нашла того, кого искала. Его укусила змея, и он умер в нескольких шагах от дома.

Долго и безутешно рыдала женщина. Затем сложила костёр и по обычаю той страны предала огню дорогое тело.

Когда ветер рассеял пепел, она обняла детей и сказала:

— Мы осиротели, дети, и никто больше не заступится за нас. Нам некуда идти, кроме как к моему отцу и вашему деду магарадже. Он очень богат и, может быть, не выгонит нас из дома.

Много дней шли они — женщина и двое её детей — обратно в город, где правил магараджа. Всё чаще им попадались люди и всё меньше женщина боялась зверей.

Но вот как-то дорогу им преградил поток, стекавший с гор. Поток был неглубок и не очень широк, но стремителен, а со дна его поднимались камни, о которые разбивались водяные струи.

— Подожди здесь, — сказала мать старшей дочери, — я перенесу на тот берег твою сестру, а потом приду за тобой.

С этими словами женщина взяла младшую дочь на руки и перенесла её на другой берег. Приказав ей сесть и никуда не двигаться, мать ушла за старшей.

— Теперь иди ты, — сказала женщина, не выходя из потока и протягивая руки девочке.

В это время раздалось хлопанье могучих крыльев и вслед за тем громкий крик ребёнка. Женщина обернулась и увидела орла, уносившего её малютку. С воплем ужаса бросилась мать обратно, но орёл был уже высоко.

Вдруг закричала и старшая дочь: на глазах матери бурный поток подхватил её и понёс на камни.

Напрасно пыталась женщина спасти хоть одну из дочерей.

Поток разбил свою жертву о камни и поглотил её бесследно.

Обезумевшая от горя мать разыскала дерево, под которым, по преданию, учил когда-то мудрый отшельник Тиддарта, и, распростершись ниц, воззвала к нему с мольбою:

— Учитель! Это очень много на голову слабой женщины, которая никогда и никому не причинила зла. Закон твой запрещает мне убить себя. Но как можно жить, потеряв всё, что привязывало меня к жизни? Верни мне моих детей и мужа или убей и меня. Ты не можешь отказать мне, если ты добр и справедлив. Я жду и верю, что ты меня услышишь.

Горе женщины было так велико, а мольбы и слёзы так искренни и обильны, что Тиддарта сжалился над нею и она его увидела.

— Хорошо, — сказал Тиддарта, — я тебе верну твоих дочерей и мужа. Но при одном условии: если ты принесёшь мне бобы, выращенные Живущей Вечно.

Мудрецу ничего не стоило дать своё обещание: ведь он прекрасно знал, что таких бобов ещё никто не выращивал, потому что все умирают и никто не живёт вечно.

Тиддарта считал, что женщина или сразу поймёт тщетность своих надежд и подавит горе, или постепенно отвлечётся и перестанет страдать. В том и другом случае, думал он, его слова для женщины окажутся благодеянием.

Однако женщина не заметила в словах учителя никакой тайной мысли.

— «Бобы, выращенные Живущей Вечно», — повторяла она про себя. — Кто же живёт вечно? Где искать такие бобы?

Горе так сильно владело женщиной, а жажда вернуть своих близких была так велика, что несчастная не стала терзать себя сомнениями. Она бросилась в ближайшую деревню и постучалась в первую же дверь.

— Что тебе надо? — спросила её хозяйка дома.

— Умоляю тебя, — воскликнула стучавшая, — скажи мне: нет ли у тебя бобов, выращенных Живущей Вечно? Или, может быть, ты знаешь, где их достать?

— Но таких бобов не существует вовсе, — удивилась хозяйка. — Всякий, кто выращивает бобы, в конце концов умирает. Я охотно дам тебе сколько угодно бобов, выращенных мною, но ведь и я когда-нибудь умру. Никто не живёт вечно.

Бедная женщина бросилась к другому дому, но и там ей ответили так же. Она обежала всю деревню, но никто не мог ни дать ей бобов, выращенных Живущей Вечно, ни просто указать, где можно их достать.

И женщина поняла, что мудрец обманул её, вселив в её сердце несбыточные надежды. И скорбь ещё большая, чем прежде, наполнила грудь осиротевшей женщины.

Несчастная вернулась к дереву, под которым беседовала с Тиддартой, и, сев на землю, залилась слезами.

Она плакала очень долго, потому что не надеялась больше ни на что. И земля у её ног обильно орошалась слезами.

Неожиданно женщина почувствовала, что кто-то ласково её касается. Она подняла лицо и сквозь слёзы увидела того, к кому обращалась с просьбой, но кто её жестоко обманул. Мудрец стоял задумчивый и смущённый и смотрел на бобы, висевшие на стеблях, чудесным образом появившихся у самых ног женщины.

— Ты сделала то, что я считал невозможным, — сказал Тиддарт. — Ты нашла бобы, которые вырастила Живущая Вечно. В этой почве случайно было зерно. Ты оросила его своими слезами, и из него выросли по виду обыкновенные бобы. Но они — необыкновенные. Их вырастила Верность, лучшее достояние

человеческого рода. Само название говорит, что она никогда не умирает. Она существует, пока есть Земля и пока дыхание жизни согревает мир. Иди же и прижми к своей груди тех, кого ты отняла у смерти своей любовью.

Он исчез, а женщина продолжала стоять и не знала, что думать и куда идти.

Неожиданно из просвета леса вышел мужчина и с ним две девочки. Было похоже, что они шли издалека.

Вдруг они увидели оцепеневшую женщину.

— Дети! — воскликнул мужчина. — Смотрите, кто там стоит! Ведь это ваша мать. Ну-ка, кто из вас обнимет её скорее!

И три пары рук, самых дорогих на свете, обвились вокруг той, которая любила.

Млечный Путь

(Сказка послеобеденного отдыха)

— Мама! — спросил маленький Виген. — А откуда взялись звёзды? Это спутники? Их люди сделали?

— Дурачок! — презрительно хмыкнул первоклассник Карен, старший брат Вигена. — Их природа сделала.

— Верно, — подтвердила мама. — Звёзды сделала природа. Но у нас в Армении есть много легенд, как появились звёзды. Хотите расскажу, как этот Млечный Путь заблистал?

Вот что рассказала мама:

«Жил в незапамятные времена юноша Ваагн. Он всем интересовался и не боялся никого. Однажды он пробрался к самим богам и от костра, возле которого грелись небожители, поджёг огромный пук соломы. Переполох же тут поднялся! Все боги бросились в погоню за смельчаком. Они метали в него молнии, грозили. Но Ваагн, не оглядываясь, мчался по небосводу. И он кричал, но торжествующе. От горящей соломы рассыпались искры, и так как это были искры священного огня, то они не гасли. Они так и оставались на небосводе, отмечая путь победы.

Позднее люди назвали его Млечным Путём».

На детей легенда произвела большое впечатление.

Мальчики были непоседливы и шумны, изобретательны на выдумки и мечтательны. В деревне их любили, но так как иногда наказывали (не все их выдумки нравились), то дети часто убегали в горы и там предавались вволю своим фантазиям.

Продумав услышанное от матери, Карен и Виген решили изобразить подвиг юноши Ваагна.

Как-то ночью они тайком выбрались из родной деревни, расположенной на склоне горы, и в кромешной тьме по знакомым тропам вышли на ближайшую вершину. Там они зажгли заранее припрятанный большой пук соломы и начали представление.

Впереди бежал Карен. Он мчался с вершины вниз, размахивая пылающей соломой и крича что есть мочи (чтобы слышали внизу в деревне):

— Огонь богов, огонь богов! Все берегитесь! Рождаются новые звёзды! Рождаются новые звёзды!

Виген не умел ещё так складывать слова, хотя прекрасно знал легенду и понимал свою роль Божественной Погони. Он даже больше верил в свою роль, чем Карен — в свою. Искренно горя негодованием к воображаемому Ваагну, Виген бежал за братом, не замечая сыплющихся на него, Вигена, искр. Полный ярости и азарта, он кричал, стараясь перекричать Карена:

— Мсть! Смерть! Мы боги! Мы отомстим! Никого не пощадим! Сожжём! Всё сожжём!

Смерч огня, криков, искр налетел на шакала, пробиравшегося на добычу. Оглушённый, ослепший от внезапного огня, смертельно перепуганный и растерявшийся, метнулся тот в одну сторону, в другую, упал в чёрное ущелье и скатился в горный поток, где был немедленно подхвачен водоворотом.

— Глупые! — сказала бабушка, угадав внуков, бегущих по горам. Наслушались сказок и думают, что звёзды в самом деле рождаются из искр.

— И рождаются! — подхватил дед. — От таких искр всё начинается. Ведь эти искры непростые. Сегодня это мечта, а завтра появится новый спутник.

Хромоножка (Считалка)

Раз, два, три, четыре!
Меня грамоте учили:
Не читать, не писать
Только по полю скакать.
Я скакал, я скакал
Себе ноженьку сломал.

Меня мама увидела
И за доктором послала.
Доктор едет на свинье,
Балалайка на спине:
«Тирлим-бом, тирлим-бом!
Мы и лечим и поём».
Увидал мой жалкий вид;
«Говорите, где болит.

Вот что значит не читать,
Арифметики не знать.
Ну, давайте полечу:
Побренчу, пощекочу.
Три копейки заплатите.
Вы — здоровы.
По-
во-
дите!»

Кристалл и Гриб

(Сказка прогулок и игр)

Пришёл как-то Гриб к Кристаллу и говорит:

— Пойдём, брат, путешествовать. Все в наше время путешествуют. Почему бы и нам не последовать их примеру.

— Куда же нам направиться, Гриб? — спрашивает Кристалл.

— Ну, это уже совсем не важно: на запад, на восток, — куда дорога выведет.

Взялись они за руки и пошли. Идут час, другой, третий. Вдруг разыгралась буря. Гриб съёжился, затрясся.

— Вот мне и конец пришёл, — говорит он. — Подхватит меня ветер, забросит в океан.

Но Кристалл и не заметил бури. Идёт, песенку напевает. Спрятался за него Гриб, успокоился и думает: «Хорошего я себе товарища нашёл. За ним, как за каменной стеной — никакие ураганы не страшны».

Настала ночь. Снова испугался Гриб: темно, кто-то кругом рыскает.

Но Кристалл вдруг засиял, и всё кругом как будто засияло. И тени ночи будто бы растаяли.

Опять подумал Гриб: «До чего же у меня хороший товарищ! И ночью светит, словно греет. Ничего я с ним не боюсь».

Наступило утро, пошли дальше. Вошли в лес. А им навстречу волк зубастый-презубастый. Увидел путешественников, зарычал:

— Вот мне и закуска готова! Прощайтесь с белым светом, окончилось ваше путешествие!

Затрясся Гриб. Кричит:

— Не ешь меня, я противный! Товарища моего одного лучше съешь. Он вкусный и съедобный.

Кристалл с удивлением посмотрел на спутника, но ничего не сказал. А волк их схватил обоих. Но только захотел их перекусить — не тут-то было. Повернулся Кристалл у волка меж зубов, зубы волчи — кррак! — и полетели.

Волк взвыл от боли, выплюнул всё изо рта и убежал в лес, повизгивая.

«Ах, что у меня за товарищ! — опять подумал Гриб. — Ни тьмы, ни ветра, ни хищников не боится».

И всё же не всегда Кристалл выходил победителем. Попали путешественники в топкое болото, и Кристалл почувствовал, что его засасывает.

На этот раз не испугался Гриб. Он даже обрадовался, что избавился от товарища.

— Хватит мыкаться! — сказал он самому себе. — Здесь так сыро и покойно.

Прошло много лет, и на болоте появились люди.

— Что это? — спросил один брезгливо, потрогав палкой слизь, расплзшуюся повсюду.

— Это гриб, — сказал шедший рядом. — Он не имеет формы, поэтому вездесущ. Бесформенное в любую складку заползает.

— Смотри, а это что такое? Сверкает, но я его нашёл под слоем слизи!

— А это кристалл, чистейшая и благороднейшая форма. Не всегда ему дано сверкать. Устоит повсюду, а в болоте тонет.

Лукман и ворон

(Сказка прогулок и игр)

Однажды, совершая прогулку, старый мудрец Лукман увидел группу детей, делающих силки.

— Для кого вы делаете эти силки, дети? — спросил их Лукман.

— Вон для того ворона, — ответили дети, показывая на вершину дерева. — Это какой-то необыкновенный ворон, если судить по его виду. Мы хотим его поймать и продать.

Мудрец взглянул, куда показывали дети, и увидел на вершине дерева удивительно большого и важного ворона, которому, вероятно, было по меньшей мере двести лет.

Лукман знал очень много, в том числе и птичий язык. Он сказал ворону:

— Ты меня удивляешь. На твоих глазах делаются силки, чтобы поймать тебя, а ты даже не пытаешься улететь.

Но ворон лишь презрительно каркнул:

— Что могут сделать мне, вещему ворону, какие-то глупые мальчишки. Мне жалко и смешно смотреть на их потуги. Я презираю их и не хочу о них даже думать.

— Напрасно ты так говоришь, — возразил Лукман. — Мудрость ничего не презирает, а ко всему относится так же серьёзно, как если бы

её окружала одна мудрость. Я на твоём месте всё-таки не стал бы испытывать судьбы и улетел.

Но ворон не захотел больше говорить с Лукманом и сердито отвернулся от него.

Мудрец продолжал свою прогулку.

Некоторое время спустя он шёл обратно.

Снова его путь пролегал через то место, где он встретился с детьми и вороном. Ещё издали он увидел, что там произошли какие-то события. Дети оживлённо кричали, а ворона не было больше видно на дереве.

Подойдя ближе, Лукман понял, что случилось. Один мальчик крепко держал важную птицу в руках, а другой — снимал с её лапы петлю силка.

— Как! — воскликнул Лукман, обращаясь к ворону. — Ты попал в силки, которые прекрасно видел и над которыми так смеялся?

— Ах, — вздохнул печально ворон, — ты оказался прав, учитель, а мне нет никакого оправдания.

Помолчав немного, ворон рассказал свою историю:

— Когда ты ушёл, а дети спрятались в кусты, думая, что я их не вижу, — я ещё некоторое время продолжал сидеть на дереве и смотрел на горизонт, предаваясь философским размышлениям. Незаметно меня охватило утомление, и я подумал: «Пока они стараются над западнёй для меня, сосну-ка я». Я ещё продолжал думать о том, чтобы уснуть, как вдруг увидел, что от горизонта на меня движется какое-то пламя. Мне оно показалось очень страшным, и я повернулся в обратную сторону, чтобы улететь. Но пламя надвигалось на меня и оттуда. Я заметался во все стороны, но всюду видел одно: движущийся на меня бушующий огонь. Казалось, ещё мгновение — и он меня спалит.

В поисках спасения я ещё раз осмотрел всё кругом, и какова же была моя радость, когда внизу я неожиданно увидел клочок земли, где не было огня. Правда, клочок тот приходился как раз на то место, где стояли силки этих мальчиков и по величине был лишь немного больше петли силков. Но до рассуждений ли мне было тогда!

Я бросился вниз стрелой и тотчас запутался в ловушке.

И странно... Едва я оказался в руках мальчишек, я понял, что пламени не было и в помине. Да, да, оно мне приснилось, а я и не

заметил, как уснул. Ещё не проснувшись окончательно, я с перепуга бросился вниз в петлю и вот... Дальнейшее тебе известно.

Ворон безнадежно поник головою, и Лукман лишь с усилием разобрал последние слова, произнесённые очень тихо:

— Я понимаю, что теперь всё кончено. Я, глупый, старый ворон, поделом наказан...

— Дети, — сказал Лукман. — Сколько вы хотите за эту важную, но пустую птицу?

— Одну рупию, — ответили дети, посоветовавшись между собою.

— Вот вам рупия, — сказал Лукман, протягивая деньги. — А теперь, когда птица моя, я хочу, чтобы вы её немедленно отпустили.

Дети отпустили ворона, и он, ликующий и счастливый, взлетел на прежнее своё место.

— Спасибо, учитель! — крикнул он оттуда. — Спасибо и прощай! Клянусь, я никогда не забуду твоего урока. Я всегда буду относиться даже к детям так, как если бы передо мною были величайшие мудрецы на свете.

Думаю, что так и было.

Вряд ли ворон соблазнял детей заработать и вторую рупию.

Насколько мне известно, так думают и в Пакистане, где сочинили эту сказку.

Юрин-Мурин (Дразнилка)

В доме живёт злой человек. Он строит из себя начальника, но так как взрослые над ним смеются, то он старается показать, что он начальник, — детям.

Толстый, маленький, с длинным красным носом, он целый день гоняется за детьми и не даёт им нигде играть. Ни во дворе («Двор — для автомобилей»), ни в садике («Садик — для малышей и бабушек»), ни даже около подъездов («В подъезды ходят»).

— Ненавижу детей! — кричит злой человек. — Дали бы мне волю, я бы их всех палкой, палкой. И зачем только они есть на свете? Пользы от них никакой, одни неприятности для взрослых.

Дети отплатили ему дразнилкой:

Юрин-Мурин с длинным носом
Подошёл ко мне с вопросом:
«Как избавиться этот нос,
Чтобы больше он не рос?»
«Вы возьмите папиросу,
Приложите её к носу,

А потом, потом, потом
Ковыряйте долотом».

Дорогой подарок (*Быль, рассказанная папой*)

Учитель вошёл в класс и сказал с таинственным видом:

— Угадайте, кого я сейчас встретил? Мука-чародея! Он куда-то спешил, но всё же просил вам передать, что согласен исполнить заветное желание каждого.

Напишите и дайте мне. Только не просите невозможного, невозможное умеют делать только люди.

Вскоре 32 листка с желаниями были в папке учителя, и урок пошёл обычно. С увлечением учитель говорил, как красива наша Земля и прекрасны люди, населяющие планету.

Прошло с полгода. Дети часто вспоминали тот урок, и всё ждали, когда начнут наконец сбываться их пожелания.

Кнут Хенинг просил «научиться плавать». Барахтаться-то в воде он умел, но это постоянно вызывало смех, и мальчик чувствовал себя уязвлённым. Все его товарищи плавали превосходно.

Однажды Хенинг и его товарищи шли по краю плоской скалы, круто обрывающейся в море. Внезапно раздался крик, нёсшийся прямо из волн, накатывающихся на берег.

— Смотрите! — воскликнул один мальчик. — Кто-то тонет. Да он малыш! Вероятно, сорвался с берега.

Дети застыли в нерешительности: что делать? Порывами дул ветер, и море бушевало. Голова малыша то показывалась из волн, то снова исчезала, каждый раз всё дальше и дальше. Даже отличный пловец рисковал бы сам погибнуть.

В море прыгнул Хенинг. Внезапно, ничего не сказав, может быть, не успев подумать. Один из мальчиков побежал за взрослыми, другие оставались неподвижными.

И произошло чудесное: Хенинг вытащил мальчугана. Некоторое время спустя он карабкался на берег с малышом, о котором все потом узнали, что ему шесть лет и зовут его Оле Андреас.

Было это недавно и было в самом деле в северной стране Норвегии. Земляки Кнута Хенинга поставили мальчику бронзовый памятник.

— Не умея хорошо плавать, девятилетний Кнут Хенинг, не раздумывая, бросился в море, чтобы спасти шестилетнего ребёнка, — сказал учитель на открытии памятника.

— Мук-чародей сделал, о чём его просили, — воскликнула одна женщина, знавшая, как и многие, о пожеланиях детей. — Он научил мальчика отлично плавать.

— Он дал ему гораздо большее, — возразил учитель. — Он научил его мужеству. А у человека нет сокровища ценнее.

Кира, Мара и Чхахана-Хара (Страшная сказка)

Было у одного крестьянина три дочери: Кира, Мара и Чхахана-Хара. Две родные — Кира и Мара, а третью Чхахана-Хару — он подобрал однажды в поле. Девочка лежала в пелёнках и громко, как-то по-особенному, чихала. Она издавала звуки, похожие на «ччха-чхахана-харра». По-видимому, она была жестоко простужена. Крестьянин пожалел девочку и принёс её к жене, у которой год назад родились близнецы.

— Ну вот, — сказал он, — Кира и Мара у тебя уже есть. Пусть ещё будет Чхахана-Хара.

Добрая женщина оставила девочку у себя и стала её растить не выделяя из своих собственных.

Прошло несколько лет.

Как-то возвращаясь поздно вечером домой, отец семейства услышал переполох в курятнике. Засветив фонарь, он осторожно вошёл в сарай и вдруг остановился поражённый. В углу курятника на корточках сидела Чхахана-Хара. Сверкая дикими глазами, она сосала кровь из шеи курицы.

— Негодная, что ты делаешь! — закричал крестьянин. — Немедленно убирайся вон отсюда!

Девочка молча посмотрела на отца, выпустила курицу и, согнувшись, выскользнула из курятника. Крестьянину показалось, будто на него красными глазами посмотрел хищный зверь. Во всяком случае, если бы он и впрямь встретил здесь живого тигра, то не испугался бы сильнее.

Вернувшись в дом, отец разбудил жену и рассказал ей всё, чему только что был свидетелем.

Жена поднялась с постели, подошла к пологу, отделявшему часть комнаты, в которой спали дочери, и осторожно заглянула туда. Все три девочки, — это видел и муж, выглядывавший из-за плеча жены, — мирно спали, причём лицо приёмыша было таким же безмятежным, как лица сестёр.

Шли дни, и вдруг крестьяне заметили, что в их хозяйстве завёлся страшный зверь, высасывавший кровь из животных.

Сначала по утрам находили обескровленные тушки кур. Потом таким же образом погиб маленький ягнёнок. За первым последовал второй, потом третий...

Крестьянин решил подкараулить зверя.

Однажды он взял топор и с вечера спрятался в большом хлеву, где жили домашние животные.

Ждал он довольно долго. Только около полуночи дверь тихо отворилась и кто-то осторожно вошёл в помещение. В ту же минуту коровы замычали, лошади заржали, овцы жалобно заблеяли. Крестьянин быстро зажёл фонарь и увидел приёмную дочь.

— Что тебе здесь надо?! — закричал отец. — Пошла отсюда вон, негодная!

Девочка посмотрела внимательно на отца, — дольше, чем в первый раз, — и молча, неторопливо вышла из хлева.

Отец вернулся домой и, растолкав жену, рассказал ей о виденном.

Жена подошла к пологу, откинула его, и они опять увидели, что все девочки, обнявшись, мирно спят. На лице приёмыша не было и тени страшной тайны.

Женщина долго смотрела на детей, потом отошла назад, ничего не сказав мужу.

Прошло несколько дней.

Как-то ночью крестьянке показалось, что в детской половине кто-то слабо вскрикнул. Соскочив с постели, мать побежала к детям.

На кровати рядышком лежали бездыханные тельца её родных дочерей, сбоку же от них, с перемазанным кровью лицом и с красными горящими глазами, на корточках сидела Чхахана-Хара. Она внимательно следила за всеми движениями крестьянки.

Мать закричала и бросилась к дочерям. Но едва она приблизилась к их телам, Чхахана-Хара с проворством кошки прыгнула на неё и впиалась в её горло.

Когда на шум прибежал отец, жена была уже мертва.

Впрочем, он не успел сообразить как следует, что случилось. Приёмная дочь словно ожидала его. Едва он показался на пороге, она накинулась и на крестьянина, и он разделил участь своего семейства.

В ту ночь Чхахана-Хара насосалась много крови и сладко уснула. Она проспала двое суток, и никто её не потревожил. Соседи решили, что всё семейство, как бывало в прошлом, отправилось в город к родственникам, и в дом, где произошли ужасные события, никто не постучался.

Когда Чхахана-Хара проснулась, она была уже совсем взрослой, хотя ростом оставалась с десятилетней.

Её мучил голод, но до темноты она никуда не выходила.

Едва наступила ночь, она тихо выбралась из дома и, прокравшись к соседям, передушила всю семью и там.

Снова она долго спала, а проснулась с приливом новых сил и новых, удивительных способностей: отныне её отличала крайняя осторожность, и Чхахана-Хара тонко чувствовала все шорохи и звуки.

Край был охвачен ужасом. За кровопийцей охотились старые охотники, отряды горцев и крестьян. Ей ставили ловушки и устраивали засады, но всё напрасно. Она научилась видеть в темноте и бегать как гепард. Никто не мог ни выследить её, ни уж тем более поймать.

В один прекрасный день в селение, где ещё недавно жили крестьяне, удочерившие девочку-кровопийцу, пришёл Старик Из Старой Башни. Говорили, что он колдун и будто в своей башне он

оживляет всё, что захочет, и разговаривает с чучелами, которые сам же делает.

Людам, впрочем, зла он не причинял, и поэтому его приход особой тревоги не вызывал.

Старик уселся на траве посреди селения и попросил собрать к нему всех жителей. Через несколько минут в домах почти никого не осталось.

Люди окружили гостя с гор и с непонятным для себя волнением стали ожидать, что он им объявит.

— Вам больше не надо опасаться той, что причинила вам так много горя.

Помолчав и обведя взглядом толпу, старик продолжал:

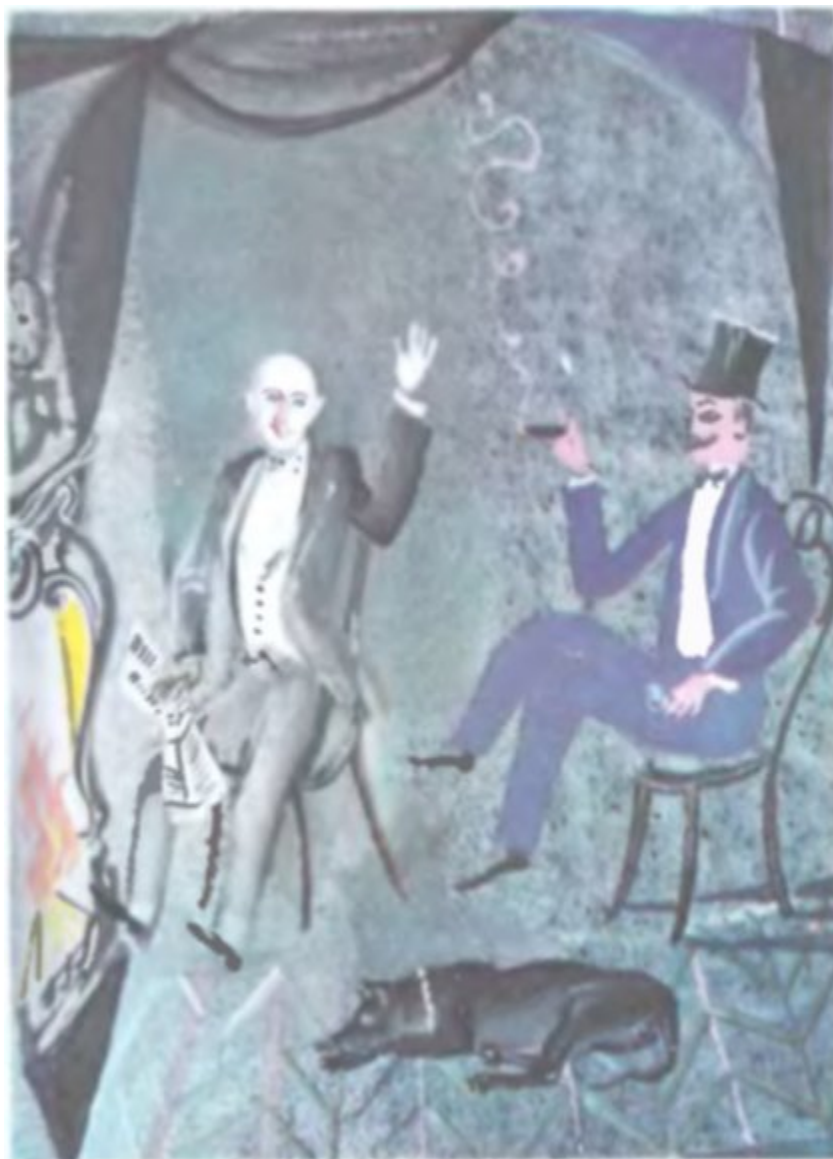
— Она — *гомункула*, моё творение. Мне была нужна помощница, и я её вывел в колбе. Тело-то вывел, а человеческую душу ввести не успел. У меня был дворник, я как-то сделал его из железных прутьев и чугуна. Однажды я его наказал, и он, чтобы мне отомстить, разбил ночью колбу и унёс гомункулу. Где-то в поле он её выбросил, а добрые люди подобрали. Могли ли они подозревать, что пока это зверь, зверь тем более страшный, что его инстинкты и жажда крови развиваются в *человеческом* теле?! Дальнейшее вам известно... Только мне было неизвестно до последних дней. Я долго не выходил из башни и не подозревал, что Чхахана-Хара, которая у вас жила, и есть моя гомункула.

Скажите же, кто погиб? Попробую исправить зло, которого невольно стал причиной...

При помощи своей науки Старик Из Старой Башни оживил всех. Сперва вернулись к жизни Кира, Мара и их родители, за ними ожили и остальные.

И никто не вспомнил с ужасом о случившемся. Возвращая отнятую жизнь, старик незаметно подбавлял к «живой воде» каплю жидкости из какого-то флакона.

Если бы люди были повнимательнее, они прочитали бы на том флаконе слово «забывание».

Привидение

(Самая короткая сказка на свете)

Что-то в этом роде я слышал в ранней юности. Будто был объявлен конкурс на «самый короткий рассказ в мире» (то есть, чтобы были сюжет, завязка, острое развитие действия, неожиданная развязка), и премию получило шутовское фантастическое произведение из 13 слов. Передаю как запомнилось и как сам рассказывал друзьям.

— Привидений не существует, — сказал Карасёв Ершову.

— Вы так думаете? — ответил тот. И — исчез.

48 слов о сказке в 13 слов

Что-то в этом роде я слышал в ранней юности. Будто был объявлен конкурс на «самый короткий рассказ в мире» (то есть, чтобы были сюжет, завязка, острое развитие действия, неожиданная развязка), и премию получило шутовское фантастическое произведение из 13 слов. Передаю как запомнилось и как сам рассказывал друзьям.

Волшебная нить

(Сказка о маме)

У молодой, счастливой женщины родился сын. Добрая фея материнства, улыбаясь, подошла к ней и, достав две невидимые ниточки — из сердца матери и из сердца её ребёнка, — связала их. Мать ничего не видела, но почувствовала, что сделала фея. Поэтому, когда ребёнка хотели унести (он поел первый раз в жизни и спал), мать испуганно прижала его к себе и сказала:

— Нет, нет, я никуда его не дам.

Но люди только засмеялись и успокоили женщину:

— Мы не унесём его далеко. Он будет рядом, и ты скоро его опять увидишь.

Мать нехотя отдала ребёнка, а когда его уносили, невидимая нить, связывающая сердца, натянулась и сердце женщины пронзилось болью.

Некоторое время спустя мальчика действительно снова положили к матери. Она прижала его к себе, и грудь её наполнилась радостью и покоем.

Потом мальчика унесли снова и снова принесли, и так повторялось много раз. В конце концов ниточка стала чуть длиннее, и

женщина привыкла к этим маленьким разлукам. Постепенно она научилась, не страдая, обходиться некоторое время без ребёнка.

Шли годы. Сын рос и развивался. Временами в его жизни совершались резкие перемены. Вот он впервые пошёл в школу. Вот, чуточку повзрослев, стал убегать с товарищами на поля и в леса, окружающие деревню. Вот, превратившись в стройного юношу, ещё больше пристрастился к занятиям и развлечениям вне дома.

И всякий раз при этих переменах, каждая из которых отдаляла сына от матери, таинственная нить растягивалась сильнее и причиняла боль материнскому сердцу.

Удивительной была эта нить. Тоньше волоска, она была прочнее каната. Невидимая для глаза, она вмещала в себе могучий поток любви, струившийся из сердца матери в сердце её сына. Сын питался этой любовью и не замечал её. Мать отдавала себя всю своей любви — и жила и была богата этим чувством.

Однажды сын уехал в город и не вернулся к тому дню, когда его ожидали. Ничего с ним не случилось; задержавшись по делам, он вернулся днём позднее, бодрый и весёлый. Но мать извелась в мучительном ожидании и ночью не сомкнула глаз.

— Нет, — сказала себе женщина, успокоившись, но вспоминая пережитое, — так не должно продолжаться. Моя любовь — моё мученье. Надо стать немного равнодушной, это будет всем на благо.

— Ты хочешь разорвать то, что протянуто между вашими сердцами? — спросила женщину беззвучно, но отчётливо фея материнства. — Изволь, я тебе помогу.

— Нет, нет! — испуганно возразила мать. — Я не так выразилась. Мне хотелось сказать, что моя любовь — мучительное блаженство, и я боюсь, что оно ослабнет.

Пришёл срок, и сын встретил девушку, которая по тайным законам жизни вдруг стала ему дороже матери. Мать знала, что так будет. И всё же, когда сын от неё уехал, она, таясь от всех, расплакалась. Снова натянулась невидимая нить, и снова боль пронзила её сердце.

В один прекрасный день мать вышла на улицу и увидела, что происходит что-то необычное. Все куда-то спешили, все говорили странные, пугающие вещи.

— Что случилось? — тревожно спросила мать у пробежавшей мимо женщины.

— Разве ты не знаешь? — удивилась та. — Война! На нас вероломно напали чужеземцы. Мужчины уходят защищать нашу землю.

Мать думала, что прежней связи, соединявшей её и сына, больше не существует. Однако оказалось, что это не так. Когда ушёл на войну и он, грудь женщины снова наполнилась тоской и тревогой.

А потом ей сообщили, что её сын погиб. Нить растянулась ещё раз — и оборвалась. У матери не было больше никого, и холод одиночества наполнил её сердце.

Прошёл год и, высушенная печалью, женщина умерла.

Случилось, однако, так, что весть о смерти сына оказалась ложной. Он был тяжело ранен и, попав в плен к врагам, долго у них томился. Выздоровев, он бежал из плена и снова оказался дома.

Известие о смерти матери потрясло его. Впервые в жизни он по-настоящему почувствовал, как дорога была ему мать. Словно что-то вынули из его груди, хотя он не мог понять — что. Придя на могилу матери, он припал к холодному бугорку и горько разрыдался.

Добрая фея материнства стояла тут же и гладила его голову, но он этого не замечал. Постепенно он понял, что вынули из его груди. Это была любовь его матери — та любовь, о которой мы никогда не думаем, но которая незримо охраняет нас, даже когда мы превращаемся во взрослых.

Как тяжело, когда это начинаешь понимать слишком поздно.

Вера, надежда, любовь (Сказка воспоминаний)

У папы с дочкой была любимая игра: в «волшебное одеяло». Они сидели с ногами на диван и прикрывались шотландским пледом. И начинали фантазировать.

— Давай сегодня полетим на Луну! — говорит Грета.

— Давай! Только сразу закрой глаза, чтобы не ослепнуть от солнца. В космическом пространстве оно знаешь какое яркое. Включаю двигатели ракеты, держись! Трах-тах-тах-тах! Всё, приехали, вылезай, мы на Луне.

Девочка оглядывается с напряжённым любопытством.

— А ты кто такой? — спрашивает она.

— Я — Лунный Царь. Здравствуй, девочка с Земли! Можешь ходить по моим владениям, только смотри, не шали очень.

— Накажешь?

— Накажу. Спущу на тебя крокодила, что живёт вон там, в кратере Альфонса. А он глотает всё, что попадётся, — камни, мусор, металлические предметы. На прошлой неделе проглотил будильник.

Так с ним теперь и ползает. Ползает, а будильник в брюхе у него тикает.

— Вот и хорошо! Услышу тиканье — убегу.

— Не очень-то рассчитывай на это. На Луне воздуха-то нет. А когда ничего нет, звук не распространяется. Ничего ты не услышишь.

Однажды Грета заявила:

— Давай сегодня полетим к твоим сёстрам!

И показывает на фотографию, всегда стоящую у папы на столе.

— Нет ничего проще. Только к ним лететь не надо. Достаточно сесть на Корабль Воспоминаний.

— Ну, садимся скорее!

— Садимся! Ту-ту! Слышишь? Последняя сирена. Давай ручку, чтобы не упасть с трапа.

Девочка серьёзнее, серьёзнее и папа, но почему-то долго ничего не говорит.

— Где же твои сёстры? Ты почему молчишь? — теряет терпение Грета.

— Не спеши, пассажирка! Нам надо сперва спуститься в кают-компанию. Смотреть будем не с палубы, оттуда ничего не видно. Смотреть будем через вот этот иллюминатор, слева, понятно? Через правый иллюминатор виден как на ладони внешний мир: люди, вещи, звёзды, растения. А через левый — всякий человек *в себя смотрится*. Смотрит в свои чувства, мысли, радости, печали, или, как мы сейчас, в свои воспоминания...

— Я ничего не вижу.

— Не удивительно, воспоминания-то *мои*! Ты через моё плечо смотри в иллюминатор. А я объяснять буду.

Девочка согласно кивает и крепче прижимается к папе.

— Странное совпадение! — продолжает папа, показывая на фотографию. — Они не только мне двоюродные. Они и между собою — двоюродные сёстры. Не родные. А назвали их так, будто родители сговорились: Вера, Надежда, Любовь. Именами больших человеческих чувств, или лучше сказать — способностей. Ведь удивительно, скажи? Но ещё удивительнее, что все они на свои имена похожи.

— Ты, папа, что-то не то говоришь. Как это можно быть на *веру* похожей? Или на *любовь*?

— А ты лучше смотри в иллюминатор. Вот с распущенными волосами посредине Вера. Самая из всех нас старшая. Обрати внимание, как печально, но в то же время решительно её красивое лицо. Она была маленькой, когда сгорела тётя Лида, её мать. Снимала с керосинки какую-то мастику натирать полы, упала, облилась мастикой, а та вспыхнула. Выбежала на балкон живым факелом, — всё это в Самарканде было, — но когда ей помогли, было уже поздно. А несколько лет спустя погиб в Чёрном море её папа: спас тонущую

девочку, а сам не выплыл и погиб. Вера совсем рано осталась круглой сиротой.

— Кто же её взял?

— Добрые люди. Взяли и воспитали. Помогли окончить школу, даже университет. С тех пор она *верит* в людей, как никто. И сама выросла такая, что в неё все верят. Люди около неё словно чище становятся. Она сейчас — самая уважаемая учительница.

— Расскажи о Наде. Это она?

— Да, справа. Вера посредине, а слева Люба. У Нади жизнь складывалась иначе, чем у Веры, она никого ни в детстве, ни в юности не теряла. Но было много трудного и у неё. Со школы мечтала о науке, а приходилось думать о большой семье. Труд дома, труд учения, труд, чтобы всех одеть, обуть, накормить. Как тут помнить о науке! Как не потерять надежду стать учёной! Но Надя её не потеряла. Она оказалась сильна как раз *надеждой*. И вот результат: *сегодняшняя* Надя, профессор литературы. Боролась и всего достигла. На четырёх языках свободно говорит. Знаменита своими книгами о Достоевском и в личной жизни счастлива.

— Осталась Люба, твоя любимица. Ты потому говоришь, что она на своё имя похожа, что она — твоя любимица?

— Не потому только. Посмотри внимательно вон на ту статуэтку, что сделала Люба, и ты поймёшь. Только смотри внимательно.

Грета замирает, смотрит на бронзовую узбечку-танцовщицу на папином столе и вдруг совершенно явственно слышит музыку. Статуэтка оживает и начинает танцевать. Грета родилась в Москве, узбекской музыки не знает, но сейчас она ясно различает глухие восточные ритмы и понимает, что перед нею — Узбекистан.

— Люба — скульптор, — продолжает папа, — и её скульптуры поражают не только превосходным исполнением. А ещё тем, что *живут*, живут на самом деле. Волшебным даром оживлять свои творения, вводить душу в камень, бронзу, в холст картины, в музыкальный или в литературный образ обладают лишь немногие художники. Самые талантливые! Художники, чью руку ведёт *любовь* к творимому, а не что-нибудь иное, скажем, не желание заработать много денег. Любовь, и она одна — запомни это хорошенько, — вскрывает глубочайшие пласты таланта. Люба особенно наделена ею, поэтому я и говорю, что она похожа на своё имя.

— Папа! А почему эта фотография у тебя всегда на столе? Вспоминаешь детство?

— Конечно. Но не только их троих вспоминаю. Ещё и папу своего вспоминаю, твоего дедушку. Он часто говорил: «Нельзя жить без веры, надежды и любви. Не будешь верить в людей, в светлые идеалы — одичаешь, голова забьётся всякой ерундой. Надежду потеряешь — вкус к жизни потеряешь, всё из рук повалится. Без любви и друга не найдёшь, и ни к какому делу не приучишься: навсегда останешься посредственностью». Как верно это...

На Корабль Воспоминаний вскакивает Кузя, сиамский кот, Гретин любимец. Он противно тянет на одной ноте, явно требуя трески.

— Это уже не воспоминание, — морщится папа, — а сама реальность. Что ж поделаешь, садись в моторку, спусти голодранца на берег. Покорми его.

Игра оканчивается, и Грета пулей мчится в кухню. С победным кворканьем, опережая девочку, туда же, к заветной миске, несётся и кот Кузя.

Необыкновенный музыкальный мальчик

(Сказка музыкальных занятий)

На берегу моря, в семье рыбака, вырос необыкновенный одарённый музыкальный мальчик. Ему не было и десяти лет, а он играл на скрипке так, что всякий, услышавший его, останавливался как зачарованный. Люди забывали всё на свете, слушая его игру. Когда же мальчик переставал играть и люди со вздохом приходили в себя, они говорили один другому:

— Такого необыкновенного ребёнка, конечно, ещё не было на свете. Даже родившийся слепым, послушав его игру, наверно, ясно себе представит и волны, разбивающиеся о скалы, и белоснежные облака на синем небе, и паруса уходящих в море рыбацких лодок, и чаек, ныряющих за рыбой...

Люди говорили правду. Удивительной своей игрой мальчик показывал людям то, что они видели неясно или не видели совсем.

Слава о необыкновенном музыканте разнеслась далеко по свету и дошла до флибустьеров, морских разбойников. Услыхав о нём, они решили его похитить.

Переодевшись и проделав большой путь, разбойники нашли посёлок, где жил одарённый мальчик. Один из них отправился на разведку.

Вскоре он увидел музыканта. Мальчик шёл по дороге, о чём-то размышляя, в руке он нёс скрипку.

Флибустьер сел на краю дороги и притворно запричитал:

— О мой бедный сын! Ты умираешь, а твой несчастный отец ничего не может сделать, чтобы тебя спасти.

Мальчик подошёл ближе и участливо спросил:

— Что случилось с вашим сыном? Нельзя ли ему чем-нибудь помочь?

— Ах, что ты! — отвечал мнимый отец. — Ты молод и не поймёшь моего горя. Мой сын изумительно играет на скрипке и затмил всех музыкантов в той прекрасной стране, где мы живём. Но кто-то ему сказал, будто где-то на берегу моря живёт другой мальчик, который играет лучше. Тогда мой сын заявил: «Либо мы найдём того мальчика и я послушаю его игру, либо мне не жить больше на свете».

Вот мы и странствуем второй год по всем морским побережьям. А к чему? Ведь я-то хорошо знаю, что вся эта история с необыкновенным музыкальным мальчиком выдумка. Но сын мой не верит этому и, не находя того, к чему стремится, тает с каждым днём.

— Где ваш сын сейчас? — спросил юный скрипач.

— Он в двух шагах отсюда, в фургоне, в котором мы путешествуем. Я зашёл в посёлок, чтобы купить что-нибудь для сына.

— Скорее ведите меня к нему! — воскликнул мальчик. — Может быть, я смогу его утешить.

Флибустьер сделал вид, что удивился, затем обрадовался. Через несколько минут он вёл мальчика за посёлок к кустам, где засели его соучастники.

Похитители накинулись на юного скрипача, связали его и бросили в мешок. Затем быстро зашагали по дороге.

Прошло несколько дней, и флибустьеры вернулись на свой остров.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал главный флибустьер, — если ты будешь развлекать нас игрой на скрипке. Мы очень соскучились по музыке. Но если ты не будешь играть, то мы завяжем тебе глаза и ты не увидишь больше света.

Мальчик испугался и, схватив свою скрипку, провёл по ней несколько раз смычком. Но что это были за звуки! Самый никудышный музыкант сыграл бы лучше.

— Оставим его пока в покое! — заметил кто-то. — Пусть поживёт с нами и перестанет нас бояться.

Мальчика отпустили и предоставили ему некоторую свободу. Он лишь не мог убежать от флибустьеров.

Увы, дни шли за днями, а мальчику казалось, что он забывает музыку. Он по-прежнему не слышал голосов, звучавших когда-то в его душе, а без них не мог ничего играть. В отчаянии опускал он скрипку...

Однажды ему сказали:

— Мы терпеливо относились к твоему безделью. Но это не может продолжаться вечно. Даём тебе последние три дня, и, если ты не станешь нам играть, мы сделаем с тобою то, что обещали. А чтобы ничто тебя не отвлекало от музыки, ты будешь жить отныне взаперти.

Мальчика отвели в небольшую комнату, а снаружи на дверях повесили замок.

Пленник опустился на стоявшую там койку и, закрыв лицо руками, предался невесёлым мыслям.

Перед ним проходила его недолгая жизнь, и он вспоминал всё хорошее, что в ней было. Вот он — родной посёлок. Видны рыбацьи лодки, пышные облака над морем. Вот он — большой и всегда весёлый отец, так любивший играть с ним в разные игры и умевший петь такие удивительные песни... А это что?.. Это звуки! Рокот моря, тихий шум ветра за стеной рыбацкой хижины, нежный голос матери — первые звуки, которые он услышал в этом мире.

Глаза мальчика были закрыты, но он улыбался и не спал.

Впрочем, кто знает, может быть, это был и сон. Он снова чувствовал себя в краю своих видений. Снова что-то пело в нём, и он старался уловить мелодию...

Всю ночь из открытого окна небольшой, закрытой на замок комнаты лились звуки, сладостнее которых никто и никогда не слышал. Растерянные, всё позабыв на свете, флибустьеры стояли под окном.

Многое им припомнилось...

Когда-то они жили на земле своих отцов, трудились, воспитывали детей. Но они были подневольны, и даже жизнь на родине не была им сладкой. Однажды они восстали против короля и его приспешников, но те были вооружены и победили. Одним повстанцам отрубили головы, других сослали на далёкие острова умирать от непосильной каторжной работы.

Выжившие на островах подняли восстание вторично. Уничтожив охрану, они захватили стоявшие на якорях королевские корабли. С тех пор они нападали на купеческие суда, и их стали называть флибустьерами, морскими разбойниками.

Когда взошло солнце, люди открыли дверь и вошли в комнату. Было тихо. Необыкновенный музыкальный мальчик сидел на полу, держа в раскинутых руках смычок и скрипку.

— Он спит, — сказал один. — Спит сном, от которого ещё никто не просыпался.

— Нет, — возразил другой, потрогав мальчика, — он не умер. Но он сейчас не с нами, а там — у себя. Отправим его домой скорее: он заслужил свободу.

Царь Тулпан (Весёлая вечерняя сказка)

А теперь послушайте коми-зырянскую сказку. Я записал её когда-то у ветхой-ветхой старушки на Печоре.

Жил-был царь Тулпан. Целый день на игрушечном коне скакал, играл в солдатиков. А порой забирался на забор и кричал оттуда: «Кука-ре-ку!» Очень ему нравилось пугать соседских кур и дразнить собак за забором.

Однажды вбегает Воевода:

— Беда, царь Тулпан! Идёт на нас войной сам грозный царь Укуси-Ухо, ведёт своё войско с танками и пушками. Грозит нас всех покорить, заставить на себя работать. Садись скорее на коня, веди в бой на подлого злодея!

Засверкал глазами царь Тулпан, затряс рыжими усами. Схватил алюминиевую саблю и сел на картонного коня. Кричит царь Тулпан:

— За мной, солдатики-орлы, сотрём в порошок злодея Укуси-Ухо!

А солдаты-то оловянные и деревянные. Стоят, молчат, на разгневанного и храброго своего царя пустые глаза пялят.

Вскипел Воевода, говорит с досадой:

— Да не об этих солдатах речь! О настоящих, о всамделишных. О тех, что за забором орут, в чехарду и в домино играют.

Выскочил царь Тулпан на соседний двор, там и впрямь настоящие солдаты. Орут, квас пьют, в чехарду и в домино играют.

Сел царь Тулпан на ветхого коня. Тот было споткнулся, упал сначала, да люди подбежали, подняли их обоих. Помчалось храброе войско на врага, лишь пыль столбом взвилась над дорогой.

Бегут и скачут, размахивают ложками и кружками, кричат всяк по-своему:

— Урра! Сдавайся, царь Укуси-Ухо! Не хлебать тебе больше щей у тёщи, не жевать кукурузы!

Увидел царь Укуси-Ухо тучу на горизонте, а в ней царь Тулпан на коне и его войско. Разглядел, какое войско у Тулпана, разобрал, что кричали его солдаты.

Обратился царь Укуси-Ухо к своим солдатам и говорит:

— Братцы, что же это с нами-то будет, а? Покорим мы сих дураков, потом их всю жизнь учить и кормить придётся?!

Вскричали тут солдаты дружно, как один:

— Не бывать этому, не бывать! Спаси нас бог от чужих дураков, своих хватает! Караул!!!

Побросали танки, пушки, даже личное оружие и бросились кто куда! Только их и видели.

Так и остался царь Тулпан со своим храбрым войском над неудачливыми захватчиками победителем.

Саблезубый кот (Колыбельная сказка)

Наступает вечер. Половина десятого. Грета достаёт из-под батареи пригревшегося там кота Кузю и начинает расхаживать с ним по комнате. Она напевает песенку, которую сочинила сама:

Как у нашего кота
Да кругом красота:
Шубка золотая,
Из Индокитая,
Красные глазищи,
Длинные когтищи.
Храбрый, но не грубый
Кот мой саблезубый.
Даже пёс наш дворовой
Он от Кузи сам не свой.

Кузе приятно, что о нём сочиняют песни, и он сладко жмурится.

«Пусть попоёт, — думает он о Грете. — В конце концов её прямая обязанность делать мне приятное. Иначе — зачем она здесь нужна?»

В том, что он в семье главный, Кузя не сомневается. Разнежившись, он снисходительно кладёт лапу на Гретино плечо, и в его сумрачном сознании пробегают восхитительные видения, унаследованные от не столь уж отдалённых камышовых предков: густые заросли, маленький островок, в тихой прозрачной заводи плавают рыбёшки. Припав к земле, сиамский кот ожидает, когда какая-нибудь из них подплывёт поближе. Подплыла! Умопомрачительный прыжок в воду — и трепещущая рыба уже в зубах. Торжествующе урчащий кот выплывает с добычей на берег...

Кот урчит в действительности, и Грета, словно угадав его видения, с восторгом смотрит на него.

В комнату входит мама.

— Грета, — говорит она, — скоро десять, а ты ещё не в постели. Опять тебя завтра не добудишься.

Мама выходит, а Грета, не торопясь, начинает устраивать себе постель.

Из соседней комнаты слышны голоса. Дядя Гора приехал из Электростали и спрашивает у папы книгу Чуковского. Папа хитрит и притворяется, будто «этой именно книги» у него нет (в

действительности она есть: папа просто не любит давать хорошие книги в не слишком надёжные руки).

Незаметно сама Грета переносится грустными мыслями к образу любимого писателя. Она хорошо запомнила, как ездила к нему с папой в Переделкино. Помнит Чудо-дерево, стоящее в кабинете на втором этаже и обвешенное всякими предметами. Помнит весёлые глаза высокого седого дедушки Корнея Ивановича.

Недавно папа сообщил, что Чуковский умер. Это было личным горем и в Гретиной семье...

Девочка тихонько переносит Кузю на шкурку под батареей и идёт к своей библиотеке. Она открывает одну из книг и перечитывает в сотый раз на первой её странице:

Переделкино, август.
Дорогой Грете.
Я тебя очень люблю.
К. Чуковский

Поставив книжку на место. Грета ложится в постель.

Снова входит мама и, сев за пианино, начинает играть «Сурка» Бетховена. В дверях останавливается папа (дядя Гора только что ушёл). Он очень любит эту вещь и часто сам поёт:

Подайте грошик нам, друзья,
Сурук всегда со мною,
Обедать, право, должен я,
И мой сурук со мною...

На этот раз папа только слушает. Играет мама, а Грета подпевает. Опять своего сочинения:

Ложусь ли вечером я спать,
Кузьма всегда со мною,
Встаю ли утром я опять,
Кузьма опять со мною.
Я утром в ванную иду
И мой Кузьма со мною,

Сажусь за стол и ем еду,
И мой Кузьма со мною.
Как жаль, что в школе нет Кузьмы...

Папа (*подпевает, но с укором*):

Себя ты с ним погубишь.

Грета (*упрямо*):

За парту вместе сели б мы...

Папа (*грустно*):

Сама мяукать будешь...

Дальше мама продолжает одна, а Грета и папа умолкают.

Мама играет что-то ещё, но девочка уже не слышит.

Папа уходит работать.

Незаметно глубокий сон опускается на Грету, и сегодняшний день для неё заканчивается.

Засыпает, правда, не так глубоко, как Грета, и саблезубый кот Кузя.